

DOI: 10.31857/S032103910005027-2

ЦИЦЕРОН И САЛЛЮСТИЙ О ЗАГОВОРЕ КАТИЛИНЫ (ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Исследователи, занимающиеся заговором Катилины, неизбежно сталкиваются с проблемой достоверности источников. Особенно много вопросов вызывают свидетельства современников. Каким образом им удалось представить происходящее как заговор, а Катилину превратить в его руководителя и всеобщего врага? В этой связи в современной зарубежной историографии достаточно много внимания стало уделяться риторическим приемам, которые для описания событий 63 г. до н.э.¹ и для характеристики Катилины использовали Цицерон и Саллюстий.

В монографии Л. Ходжсон наряду с другими сюжетами анализируется использование концепции *res publica* в Катилинариях². Когда Цицерон произносил первую речь против Катилины, возникло впечатление, что лишь он один был искренне убежден в наличии «Заговора с большой буквы» (с. 123). Ситуация на тот момент действительно была кризисной, однако никто не связывал этот кризис с Катилиной – никто, кроме Цицерона. Он же с самого начала речи представил дело так, будто ответственность Катилины за текущие проблемы общеизвестна: его планы раскрыты, он является врагом для всех без исключения, сама отчизна ненавидит его и отталкивает от себя (*Cat. I. 1, 7, 13, 16, 18, 19*). Принятие же *senatus consultum ultimum* Цицерон изобразил как доказательство уверенности сената в том, что Катилина – главный злодей в этой истории (*Cat. I. 3*)³.

Задачей оратора было показать необходимость «исключительных мер для пресечения исключительной опасности, вызванной исключительным злодеем», и он даже извиняется за то, что не применил их (косвенным образом давая понять, что причиной промедления является его коллега Антоний⁴). Объясняя, почему он так до сих пор и не воспользовался SCU, Цицерон переходит к воображаемому диалогу с отечеством и не очень убедительно пытается доказать, что убийство Катилины только немного ослабит *pestis rei publicae*, тогда как удаление его из Рима вместе со всеми его приспешниками сразу решит все проблемы. Эта неуклюжая попытка оправдаться равно как и стремление изгнать Катилину с помощью одного лишь ораторского искусства, вместо того чтобы применить *relegatio*⁵ или поставить этот вопрос на голосование в сенате (что, кстати, и предлагал ему Луций Сергий: *Cat. I. 20*), свидетельствуют о слабости политической позиции консула. Было очевидно, что не все верят в существование заговора Катилины (*Cat. I. 6*), и если бы Цицерон, не имея ни компрометирующего материала, ни политической поддержки, применил по отношению к заговорщикам исключительные меры, у него могли бы возникнуть серьезные проблемы. Чтобы скрыть эти неприятные факты, он и апеллировал к персонификации *res publica*⁶, которая якобы сама отторгает от себя Катилину, являющегося *hostis* (правда, пока только в глазах Цицерона). Эта риторическая фигура основывается на представлении о том, что корни *res publica* лежат в самом Риме. Если

¹ Далее все даты – до нашей эры.

² *Res publica* автор понимает как «действия, направленные на общественное благо, но необязательно осуществляемые самой общественностью и ни в коем случае ей не тождественные» (Hodgson 2017, 4).

³ Hodgson 2017, 123–125.

⁴ Этот момент Ходжсон никак не поясняет.

⁵ Для обозначения изгнания сам Цицерон использует слово *exilium*, хотя в данном случае речь скорее шла о *relegatio* (Hodgson 2017, 126).

⁶ *Res publica* в первой Катилинарии – это риторическая фикция, напоминающая похожий образ из Веррин, где государство само передает себя в руки Суллы (Cic. *Verr. II. 3. 81*). Получается, что Цицерон заслуживает порицания за свое бездействие в той же мере, что и *res publica*, не оказавшая сопротивления злодею (*Cat. I. 27–30*; Hodgson 2017, 126).

Катилина физически покинет Город (и, соответственно, исчезнет из политической жизни), то можно будет считать, что ни его самого, ни его соратников в государстве больше нет (даже если в действительности они находятся на территории римской державы)⁷. Первостепенное значение имеет лишь то, что происходит внутри городских стен⁸.

Надо сказать, что если бы Цицерон ограничился только тем, что спровоцировал Катилину на открытое восстание, в дальнейшем у него не было бы никаких проблем ни с законом, ни в политической сфере. А вот внесудебная казнь пятерых заговорщиков, которые остались в Риме, действительно навлекла неприятие на инициировавшего это решение консула. Вопрос заключался не в том, легитимировал ли SCU их казнь, а в том, давали ли имеющиеся прецеденты право выносить смертный приговор, и если да, то можно ли было считать действия Цицерона законными в сложившейся политической обстановке. В обоих случаях ответ будет отрицательным⁹. Поэтому даже в четвертой Катилинарии для оправдания смертного приговора оратор ссылался не на SCU, а на *salus rei publicae*, о котором настоятельно рекомендовал подумать сенаторам (*Cat. IV. 4*). Казнь же была представлена как акт милосердия — опять же по отношению к *res publica*, ибо сострадания заслуживает только государство и сограждане (IV. 12–13), но уж никак не преступники, которые злоумышляют против своего отечества и потому больше не могут называться гражданами (IV. 10)¹⁰. В заключение Цицерон выразил готовность сделать все, что будет признано необходимым, а ответственность за это переложил на плечи сената, предоставив «отцам» самим вынести решение (IV. 24). Получалось, что республику спас он, а непопулярные меры приняли *patres*¹¹.

Однако ораторские уловки Цицерона не исчерпывались одной лишь апелляцией к *res publica*. Способом компроматации противников, в том числе катилинариев, чтобы оправдать и легитимировать их физическое устранение, посвящена статья А. Дюпла Ансуáteги¹², который соглашается с Э. Линтотом в том, что насилие было обычным делом в истории Поздней республики¹³, и в этой связи обращает внимание на три обстоятельства. В Риме не было представления о правах человека в том виде, в каком оно существует сейчас. Были только отвлеченные философские рассуждения на эту тему, и на практике они не применялись. Кроме того, легитимность применения насилия как способа самозащиты была прочно укоренена в традиции, восходящей еще к Законам XII таблиц, где говорилось, например, что *si nox furtum factum sit, si im occisit, iure caesus esto* (Macrob. *Sat. I. 4. 19*). Наконец, нужно иметь в виду, что в Риме не было полиции, которая следила бы за общественным порядком и которая в настоящее время ассоциируется с монополией государства на законное насилие. Предпосылкой же политического насилия во все времена являлась дегуманизация потенциальной жертвы¹⁴.

В трактате «О законах» Цицерон, с одной стороны, показывает себя мирным человеком, который отвергает насилие как нечто противоречащее цивилизованному образу жизни (*De leg. III. 42*), а с другой, заявляет, что если общество, основанное на законах, переживает кризис, в такой ситуации применение насилия вполне допустимо и законно. Иными словами, насилие может быть оправданным, если служит защите государства и сохранению *status quo*¹⁵. Как видно, ничего нового он тут не придумал, однако в речи «В защиту Сестия» Цицерон заходит еще дальше и призывает к дополнительным мерам, если закон помочь не в состоянии¹⁶. В частной переписке Цицерон использует настолько сильные выражения применительно к своим политическим противникам (особенно это касается так называемых популяров), что его можно было бы назвать одним из самых нетерпимых политиков в мире. Его подход заключается в категорическом неприятии их мнений и предложений, отрицании возможности диалога или компромисса, а также в прямом или косвенном исключении их из рамок гражданского коллектива. Мотивы и проекты таких людей подаются в искаженном виде, а рассуждая об их личностных качествах Цицерон не стесняется в выражениях и выставляет своих оппонентов психически неуравновешенными людьми, идущими на поводу

⁷ Ср. Sall. *Cat. 9. 1*, где Пизона отправляют а *re publica* в Испанию.

⁸ Hodgson 2017, 125–127. Хотя, конечно, дело было не только в этом убеждении, но и в том, что Цицерон хотел заставить Катилину выдать себя или даже скорее сыграть отведенную для него роль (*ibid.*, p. 127).

⁹ Drummond 1995, 95.

¹⁰ Заметим, что формально Лентул и его товарищи так и не были объявлены *hostes*.

¹¹ Hodgson 2017, 128–135.

¹² Duplá Ansuátegui 2017, 181–200.

¹³ Lintott 1999, XIV.

¹⁴ Duplá Ansuátegui 2017, 181, 184.

¹⁵ Duplá Ansuátegui 2017, 185.

¹⁶ Cic. *Sest. 86*: *si leges non valerent, iudicia non essent... praesidio et copiis defendi vitam et libertatem necesse esse*. См. Duplá Ansuátegui 2017, 185–186.

у низменных страстей. Для его словесной борьбы с политическими противниками характерно использование трех приемов:

1. Полное игнорирование социально-экономических и политических проблем, существующих в римском обществе. Яркий пример тому – речь в защиту Сестия.

2. Использование «кризисной риторики» для убеждения аудитории в том, что оппоненты безумны, опасны и представляют собой угрозу для общества. Сюда же относится игра на страхе утраты собственности, безопасности, или даже жизни. Наиболее характерными примерами являются речи против Катилины, Клодия и Антония.

3. Отрицание возможности компромисса. При этом себя Цицерон ассоциировал с государством и отклонял любое предложение, противоречившее его концепции *res publica*, даже если оно имело статус *lex publica* (ср. Cic. *De leg.* II. 13–14)¹⁷.

В инвективах же оратор использовал и «кризисную риторику», и «риторику социального отчуждения», чтобы не только поставить своих противников вне рамок гражданского коллектива, но и оправдать их физическое уничтожение. О кризисной риторике говорилось выше, что же касается риторики социального отчуждения, то к ней относятся терминология, служащая для описания индивидуума, который вследствие своего поведения утратил статус римского гражданина, цивилизованного человека, а то и вовсе человеческого существа¹⁸. Также ему могут приписываться связи с различными группами людей, известными исходящей от них опасностью и отмеченными низким социальным статусом, т.е. с теми, кто неспособен заниматься политической цивилизованным образом (*latrones, servi, gladiatores*). В частности, в Катилинариях сам заговор нередко изображается как *latrocinium*, а его участники соответственно как *latrones* (Cic. *Cat.* I. 23, 33; II. 7, 16, 22, 24, 27). По мнению Т. Хабибека¹⁹, которое разделяет и автор рассматриваемой статьи, это делалось намеренно, чтобы создать впечатление, будто заговорщики подвергают сомнению законность существующего строя. В метафорическом же смысле указание на разбой было частью кризисной риторики, каковая по сути служила призывом к принятию мер для защиты собственности и государства²⁰. Одной из таких мер могло стать убийство оппонента, причем по отношению к Катилине Цицерон даже использовал глагол *macrare* (*Cat.* I. 33), т.е. представил его грядущую гибель как искупительную жертву Юпитеру во имя единства сената и народа²¹.

С точки зрения А. Дюпла Ансуатеги, к мысли об оправдании политического насилия Цицерон пришел не сразу. Так, в трактате «О законах» он пишет, что *lex Valeria* не может считаться настоящим законом, ибо позволяет диктатору убивать без суда любого человека (*De leg.* I. 42). Тем не менее, как показывает его карьера в 63–43 гг., в конце концов он пришел к выводу о целесообразности подобной практики. Это довольно странное утверждение, поскольку работу над указанным трактатом Цицерон начал лишь около 52 г.,²² из чего следует, что мысль о допустимости политического насилия была ему близка и понятна и раньше. Рассуждение же о Валериевом законе является, по-видимому, не более чем проявлением политического лицемерия с его стороны.

Интересно проследить и его отношение к такому понятию, как *hostis publicus*. В начале 63 г. в речи в защиту Рабирии Цицерон пытался оправдать своего подзащитного на том основании, что убийство Сатурнина было вполне законным деянием, ибо последний являлся *hostis* (*Rab. Perd.* 18). Здесь великий оратор немного слукавил, поскольку первое официальное объявление *hostis* состоялось только в 88 г., однако Цицерон, по-видимому, считал (или хотел, чтобы другие считали), будто

¹⁷ Duplá Ansuátegui 2017, 186–188.

¹⁸ Ср. Cic. *Phil.* III. 12: *Hunc igitur ego consulem, hunc civem Romanum, hunc liberum, hunc denique hominem putem...*

¹⁹ Habinek 1998, 83.

²⁰ Стоит обратить внимание и на юридический аспект подобного словоупотребления. Ведь согласно римским правовым нормам настоящими врагами (*hostes*) считались лишь те, кто либо сам официально объявляет войну, либо те, кому она была объявлена (опять же официальным образом), а остальные враги государства классифицировались как *latrones* и *praedones* (*Dig.* 50. 16. 118). Таким образом, различие между обеими категориями заключалось прежде всего в отсутствии у *latrones* политического статуса. Вот почему именование заговора Катилины «разбоем» позволяло Цицерону, с одной стороны, утвердиться в роли защитника государства, а с другой, поставить Катилину вне закона и изобразить его мятеж как действия обычных разбойников, а не как организованное политическое выступление (Gerrish 2012, 155–156).

²¹ Duplá Ansuátegui 2017, 188–191.

²² Albrecht 2003, 583.

SCU автоматически превращает в *hostis* того, против кого вынесено²³. Это положение было довольно рискованным, ибо в результате получалось, что сенат может объявить врагом любого гражданина и принять против него соответствующие меры; именно поэтому против него неоднократно возражали популяры. Цицерон же не видел в этом ничего дурного — с его точки зрения, если человек нарушал законы и нормы римского общества, то переставал быть гражданином и, следовательно, терял все свои гражданские права. Никакой жалости по отношению к нему быть не могло. Таких людей следовало искоренять, причем делать это дозволялось как государству, так и частным лицам. Именно поэтому, когда в сенате решался вопрос о судьбе катилинариев, споры велись не о законности наказания без суда, а лишь о его форме, необходимость же самого наказания сомнению не подлежала.

Следующий шаг — убийство Клодия. Разумеется, Цицерон и раньше называл его и *inimicus*, и *hostis*, но в речи, призванной защитить его убийцу²⁴, превращение Клодия во «врага» происходит уже автоматически: великому оратору не понадобилось для этого ни судебная процедура, ни решение сената²⁵. Милон же у него заслуживает оправдания потому, что является тиранубийцей. Это очень важно, поскольку свидетельствует об определенной — и всеяющей тревогу — эволюции во взглядах оратора. Ведь если изначально слово «тиран» было для Цицерона просто стереотипным оскорблением, теперь он взял на вооружение концепцию тиранубийства и распространил ее на своих противников²⁶.

К.Х.Э. Кананак в своей диссертации рассматривает более широкий круг вопросов и изучает терминологию, используемую Цицероном и Саллюстием для описания событий 63 г. Подобно тому как в трудах ряда ученых второй половины XX в. были проанализированы сообщения источников о так называемом «первом заговоре Катилины» и доказано, что в действительности он представлял собой цепь разрозненных исторических событий, Кананак предлагает подвергнуть переосмыслению второй (а по мнению большинства исследователей, единственный) заговор Катилины и выяснить, что же он представлял собой на самом деле. Во введении автор специально оговаривает, что будет воздерживаться от использования слова «заговор» по отношению к событиям 63 г. и именовать их нейтральным *affair*²⁷, что, учитывая специфику его исследования, представляется вполне разумным.

Цицерон и Саллюстий описывают события 63 г., используя лексику, характерную для конспирологического нарратива. Всю их терминологию можно разделить на четыре группы в зависимости от того, какой именно аспект «заговора» они хотели подчеркнуть: секретность, уголовная направленность, аморальность участников, их многочисленность²⁸. Волнения внутри города и за его пределами²⁹ оба автора изображают как взаимосвязанные. Цицерон, желая указать на существование двойной угрозы, характеризовал их и как *bellum*³⁰, и как *coniuratio*. Таким образом он хотел, с одной стороны, подчеркнуть угрожавшую государству опасность³¹ и тем самым оправдать суровые меры,

²³ На самом деле это, конечно, было не так, ибо SCU и объявление *hostis* являются прямо противоположными вещами. Принципиальное различие между ними заключается в том, что SCU, как следует из самой его формулировки, направлено на устранение кризиса, а объявление *hostis* — на устранение потенциального возмутителя спокойствия. В этом смысле для политической борьбы объявление *hostis*, естественно, было удобнее, так как оно приводило к лишению человека гражданских прав даже при отсутствии уголовно наказуемых действий с его стороны, а также не зависело от того, изменит ли он свое поведение. Кроме того, в этом случае вопрос о том, когда заканчивается чрезвычайное положение и, соответственно, требуется судебное разбирательство (с применением *lex Sempronia de capite civis*), уже не имел значения (Neumann 2010, 266–268). Думается, что Цицерон, будучи юристом, прекрасно понимал эту разницу, а потому использовал аргументы в защиту противоположной точки зрения (см., например, *Cat. IV. 10*) скорее как психологический, нежели юридический довод.

²⁴ Имеется в виду переработанная версия речи.

²⁵ Несколько лет спустя оратор точно так же поступил с Антонием и публично «объявил» его «врагом», не дожидаясь соответствующего решения сената (*Phil. IV. 1*). См. Duplá Ansuátegui 2017, 195.

²⁶ Duplá Ansuátegui 2017, 191–195.

²⁷ Kananack 2012, 12.

²⁸ Kananack 2012, 27–55.

²⁹ Данные источников относительно того, какие области помимо северной Этрурии были охвачены мятежами, расходятся (Kananack 2012, 168, n. 107).

³⁰ При этом термин *bellum civile* он использовал крайне редко (Kananack 2012, 209–213).

³¹ По мнению автора, Цицерон не сомневался в реальности угрозы (Kananack 2012, 65): он постоянно хвастался тем, сколь опасный заговор ему удалось раскрыть (*Plut. Cic. 24.1*; *Dio Cass. XXXVII. 38. 2*), настаивал на том, что подавление *coniuratio* было важнее побед самых выдающихся полководцев, утверждал, что раскрыть заговор ему помогло божественное

на которые ему пришлось пойти ради его спасения, а с другой — представить заговор как войну, чтобы его собственные заслуги могли сравниться с заслугами прославленных полководцев, одерживавших победы на поле боя. Саллюстий же использует слово *bellum* для характеристики любых действий, имеющих отношение к заговору, вне зависимости от того, где они происходят: в самом Риме или за его пределами³².

Согласно данным источников, жители тех италийских областей, которые пострадали от действий Суллы и выведения колоний³³, сначала поддержали Катилину на выборах на 62 г., а после его поражения и организации заговора стали помогать катилинариям уже военным путем. В других же областях участники заговора сами пытались спровоцировать рабские мятежи, однако насколько можно доверять всем этим сообщениям, неясно. Тем не менее угроза была реальной, и многие римские граждане из низших слоев населения областей были готовы поддержать заговорщиков. Армия в Фезулах, бесспорно, готовилась к войне, но послание Манлия, которое приводит Саллюстий, может свидетельствовать о том, что изначально Манлий действовал независимо от Катилины. То, что он решился на открытый бунт раньше, чем заговорщики в Риме приступили к планированию убийств и поджогов, также указывает, что эти события не были частями единого плана³⁴.

Таким образом, роль Катилины как единоличного руководителя заговора может быть поставлена под сомнение. Дополнительным аргументом в пользу данной точки зрения может служить и то, что после его отъезда все дела внутри Города стал вести Лентул, а когда того казнили, все планы заговорщиков оказались обречены на провал. Кроме того, античные авторы явно выделяли Лентула из общей массы оставшихся в Городе заговорщиков: в источниках его имя упоминается чаще, чем имена других катилинариев, а иногда и вовсе по имени называют только его, а остальные фигурируют лишь в качестве некоего безымянного дополнения³⁵. Да и письмо Лентула к Катилине (Кананак считает, что версия Саллюстия ближе к оригиналу) составлено в таком тоне, что позволяет сделать вывод о равенстве их статусов или даже о подчиненном положении Катилины по отношению к Лентулу. Последний присоединился к заговору из-за пророчества о трех Корнелиях, согласно которому трем представителям этого рода суждено было править Римом. Истинным оно было или ложным, неизвестно, однако Лентул в него поверил и именно поэтому продолжал действовать даже после того, как Цицерон объявил, что ему все известно, а другие влиятельные лица, ранее симпатизировавшие заговорщикам³⁶, предпочли отойти в тень³⁷.

Общие выводы диссертации таковы. Свидетельства Цицерона и Саллюстия показывают: то, что принято именовать заговором Катилины, на деле является специфическим замыслом группы римских граждан различного происхождения, намеревавшихся захватить власть с помощью насильственных действий и активно угрожавших государству как в самом Риме, так и за его пределами. Эти действия были более сложными, чем то, что можно охарактеризовать словом «заговор», однако при этом автор вовсе не призывает их переименовывать, поскольку другое, пусть даже более точное название, не будет соответствовать тому, как описывали эти события современники³⁸.

Сходной теме посвящена статья В.Э. Паган³⁹, в которой рассматривается модель конспирологической теории в древнем Риме. Автор пытается выявить общие принципы, по которым строится конспирологический нарратив. Римское общество было строго иерархическим, и на его вершине находились представители сенаторских и всаднических кругов. Поскольку же занятия литературой оставались прерогативой политической элиты, в источниках, как правило, представлена именно ее точка зрения.

провидение (Cic. *Cat.* III. 1–2, 18–22, 4.2; *Sull.* 40, 86; *Div.* 1.17–22) и, наконец, что римский народ даже хотел удостоить его триумфа за столь великое деяние (*Cat.* IV. 20–23). Однако данный тезис, как нам кажется, нуждается в дополнительной аргументации, ибо приведенные примеры отнюдь не свидетельствуют об искренности опасений великого оратора. Они скорее показывают, что он был очень высокого о себе мнения и не считал нужным это скрывать.

³² Kananack 2012, 201–202.

³³ И сулланские ветераны, и италийские крестьяне в данном случае действовали заодно, ибо им пришлось столкнуться с одними и теми же проблемами: разорением и долгами (Kananack 2012, 149, 275).

³⁴ Kananack 2012, 146–186.

³⁵ Cic. *Cat.* III. 10; 22; *Sall. Cat.* 43. 1; 47. 2–3; *Plut. Cic.* 18. 5; *Cato Min.* 26. 1; *Dio Cass.* XXXVII. 34. 1–2; 35. 3; XXXVIII. 14. 5. Аппиан, правда, относит к руководителям заговора не только Лентула, но также Цетегга, Статилия и Кассия, однако при описании их попыток склонить аллоброгов к сотрудничеству он уже говорит, что галлам предлагалось «вступить в заговор Лентула» (App. *BC.* II. 4: Ἐς τὴν Λέντουλου συνωμοσίαν ἐπέχθησαν. Курсив наш. — Д. Д.).

³⁶ Имеются в виду Красс, Цезарь и Антоний Гибрида (Kananack 2012, 81–85).

³⁷ Kananack 2012, 74–143.

³⁸ Kananack 2012, 278–279.

³⁹ Pagán 2008, 27–49.

Историю писали богатые мужчины из высшего общества, поэтому в качестве заговорщиков они чаще всего изображали «других», т.е. женщин, рабов или иноземцев, что объясняется страхом перед ними, возникшим еще в царскую эпоху. Ведь «инаковость» в какой-то мере предполагает сепаратизм, а он в свою очередь является очень удобным поводом для обвинений в заговоре. Так что ко времени Поздней республики писатели уже начали эксплуатировать негативные стереотипы о вышеназванных маргинальных группах, выставляя представителей последних заговорщиками⁴⁰.

Помимо стандартного набора действующих лиц, неотъемлемой частью конспирологической теории является вопрос о раскрытии заговора. Поскольку *coniuratio* – дело секретное, его эффективность зависит от способности участников хранить молчание. Следовательно, о его существовании становится известно в случае либо успеха, либо предательства. В первом случае наказать заговорщиков уже невозможно, а во втором – проблематично, так как они еще ничего не совершили⁴¹. Возможно, поэтому сенат часто реагировал на угрозу заговора принятием *senatus consultum ultimum*. Этот механизм, основанный на обычае (*mos*), а не законе (*lex*), позволял действующим магистратам применять любые меры, которые будут сочтены необходимыми для защиты *res publica*, без оглядки на существующее законодательство⁴².

Для тех же, кто способствовал раскрытию заговора, предусматривалось вознаграждение. Оно вполне могло повлиять не только на желание свидетелей давать показания⁴³, но и на сами показания, которые свидетели могли и изменить, если награда была достаточно щедрой. Применительно к интересующей нас теме можно вспомнить вознаграждение, назначенное сенатом Вольтурцию и аллоброгам за их участие в раскрытии заговора (*Sall. Cat. 50. 1*).

Необычный взгляд на заговор Катилины представлен в статье Я. Бенферхат⁴⁴, которая рассматривает повествование о нем Цицерона и Саллюстия через призму лжи и иллюзий, которые можно разделить на три типа:

1. Иллюзии, созданные Катилиной

Луций Сергий показан в источниках как мастер иллюзий: он умеет приспособливать свое поведение к нравам людей и казаться добропорядочным гражданином (*Sall. Cat. 5. 4; Cic. Cael. 12–14*), а его изменчивость и фальшь неоднократно подчеркиваются при помощи соответствующей лексики. Таким успехом в обществе он пользуется потому, что современный мир – это мир лжи. По Саллюстию, он стал таковым из-за упадка нравов: дурное честолюбие и алчность привели к замещению традиционных ценностей ложными (*Sall. Cat. 10. 4–5*)⁴⁵, в результате чего армия развратилась и превратилась лишь в призрак того, чем должна быть (*11. 5*), а политическая борьба стала напоминать состязание аферистов, ибо преисполнилась взаимных обманов и несбыточных надежд (*38. 1–3*). Характерно, что все эти пертурбации Саллюстий описывает с использованием пейоративной лексики, подразумевающей ложь и махинации (*pollicitari, simulare, senatus species*). Соратники Катилины также склонны ко лжи: достаточно вспомнить, как Умбрен вел переговоры с аллоброгами. Однако по сути Умбрен лишь подражал своему «наставнику» Катилине: в изложении Саллюстия его общение с галлами строится по такой же схеме, как речь Луция Сергия к заговорщикам. Только последний, в отличие от Умбрена, еще и оскорбляет политических деятелей, которые ему препятствуют, а в конце речи, как хороший лидер, обращается к каждому индивидуально⁴⁶.

2. Иллюзии, созданные Цицероном

Чтобы заставить аллоброгов выйти из тени, великий оратор разыгрывает целый спектакль, описание которого у Саллюстия не только содержит весь лексический набор для обозначения обмана, но и может служить хорошим примером «ситуации-перевертыша», когда для раскрытия реального положения дел

⁴⁰ Именно так поступил Саллюстий в «Заговоре Катилины» (Pagán 2008, 30–31).

⁴¹ Впрочем, некоторые не видели в этом проблемы: так, Катон у Саллюстия выступает решительным сторонником превентивного наказания: *Sall. Cat. 52. 4* (Pagán 2008, 45).

⁴² Pagán 2008, 44–46. Впрочем, эта мера не всегда могла служить оправданием действий магистрата: Цицерону, например, в свое время пришлось удалиться в изгнание за внесудебную казнь пятерых соратников Катилины (*ibid.*, p. 45).

⁴³ Со свидетельскими показаниями дело обстояло не так просто, ибо заговорщик как участник тайного мероприятия вряд ли мог считаться надежным свидетелем, а рабов разрешалось допрашивать только под пыткой, что по понятным причинам не всегда способствовало выяснению истины. Кроме того, выступать в качестве свидетеля было попросту небезопасно: если он давал показания, ему грозила гибель от рук заговорщиков, а если молчал, то мог навлечь на себя гнев дознавателей (Pagán 2008, 46).

⁴⁴ Benferhat 2006, 104–118.

⁴⁵ Прилагательное *falsus*, поставленное автором в начало фразы, передает суть его философской концепции: все стало ложным, поддельным, ненастоящим. Противопоставление мысли и слов, внешнего вида и внутреннего содержания только усиливает это впечатление.

⁴⁶ Benferhat 2006, 104–108.

используется иллюзия⁴⁷. За одним спектаклем следует другой: фальшивый допрос заговорщиков перед сенатом. Фальшивый потому, что у Цицерона и так уже имелись на руках компрометирующие их документы, а вот у сенаторов никаких улик не было, поэтому спектакль предназначался для них. Сообщение Саллюстия о том, как консул проводил дознание, строится на противопоставлении лжи и последующего открытия правды (Sall. *Cat.* 47. 1–3: *ingere, dissimulare*, с одной стороны, и *aperire, fateri*, с другой) и, кроме того, дает представление об использованной Цицероном тактике допроса. Впрочем, оратор сам рассказывает о ней в третьей Катилинарии и прямо говорит, что для него важнее не вещественные доказательства, а поведение обвиняемых (Cic. *Cat.* III. 13). Видимо, здесь он возвращается к своим адвокатским привычкам, поскольку на процессах знание психологии действительно важно, так как поведение человека в целом и на суде в частности тоже является доказательством.

Этот прием Цицерон использовал и в первой Катилинарии, желая заставить Катилину играть в открытую. Ему удалось сделать так, что после его речи Луций Сергий потерял самообладание и разразился угрозами⁴⁸, тем самым сведя на нет все свои попытки сойти за честного человека. Однако речь была успешной лишь наполовину, поскольку доказательство, основанное только на поведении, не является фактическим⁴⁹, а кроме того, хотя Катилина и уехал, многие заговорщики остались в Риме. Поэтому и потребовалась комедия с участием аллоброгов⁵⁰.

Третий спектакль — история с показаниями Тарквиния против Красса. В описании Саллюстия весь этот эпизод изобилует ложью и махинациями (*Cat.* 48. 5–6: *falsus index, indicium falsum*), причем сам историк, судя по композиции изложения, считал, что Красс действительно был причастен к заговору, но никто не захотел портить с ним отношения, а Цицерон специально подослал Тарквиния, чтобы его нейтрализовать.

3. Иллюзии, связанные с Цезарем⁵¹

С одной стороны, Цезарь становится жертвой иллюзий, т.е. ложных наветов (Sall. *Cat.* 49. 1; 4)⁵², а с другой, и сам воспринимается как обманщик, ибо его предложения относительно наказания для заговорщиков оцениваются как *притворная* мягкость, за которой якобы прячутся дурные нравы (*ibid.* 52. 11–12) или подлинная жестокость (Cic. *Cat.* IV. 10). В действительности же ключ к интерпретации споров о милосердии у Саллюстия — в повторении прилагательного *popularis*: таким образом писатель дает понять, что эти дебаты следует рассматривать в контексте оппозиции оптиматов и популяров. Причем Цезарь выступает в качестве лидера последних, а Катон, угадав в его *clementia* качество, характерное для вождей⁵³, резко выступает против его предложения⁵⁴.

Думается, здесь автору следовало бы пояснить, что именно понимается под «оптиматами» и «популярами» (последние почему-то именуется у нее «партией», *parti*, и даже будто бы имеют собственную программу; с. 114). Кроме того, в тексте статьи присутствуют некоторые неточности: так, например, Красс, по мнению Бенферхат, в отсутствие Помпея был «одним из лидеров популяров наряду с Цезарем и Катилиной» (с. 111), а оптиматы «придумали» SCU для того, чтобы «обойти» *lex Sempronia* (с. 114). Впрочем, несмотря на указанные недостатки, нужно отметить оригинальность авторских суждений и несомненную новизну ее подхода к проблеме.

⁴⁷ См. Sall. *Cat.* 41. 5: *Cicero per Sangam consilio cognito legatis praecipit, ut studium coniurationis vehementer simulent, ceteros adeant, bene polliceantur dentque operam, uti eos quam maxime manifestos habeant.*

⁴⁸ По-видимому, Бенферхат имеет в виду Sall. *Cat.* 31. 9: *'Quoniam quidem circumventus' inquit 'ab inimicis graeseeps agor, incendium meum ruina restinguam'.* — «Так как недруги, окружив, преследуют меня и хотят столкнуть в пропасть, то пожар, грозящий мне, я потушу под развалинами» (пер. В.О. Горенштейна). Однако в действительности Катилина сказал это не после первой Катилинарии, а в ответ на обещание Катона привлечь его к суду *de ambitu* (Cic. *Mur.* 51). Саллюстий же вырвал эту угрозу из оригинального контекста и, слегка изменив, поместил в рамки совершенно иной ситуации для придания изложению большего драматизма. Ср. Genovese 1974, 174–175.

⁴⁹ Катилина прекрасно это понимал и посему не упустил случая обвинить консула в *falsa crimina* (Sall. *Cat.* 34.2) и *falsa suspicio* (35. 3). См. Benferhat 2006, 110.

⁵⁰ Benferhat 2006, 108–110.

⁵¹ Довольно любопытно наблюдение автора рассматриваемой статьи о сходстве личных качеств Цезаря и Катилины у Саллюстия: оба способны *laborare* и *vigilare*, оба щедры (вплоть до расточительности) и готовы на все, чтобы помочь свои друзьям (Sall. *Cat.* 5. 3; 14. 6; 49. 3; 54. 4). От Катилины Цезаря отличает лишь *dignitas* (Benferhat 2006, 112).

⁵² В частности, «первый заговор Катилины» — не что иное, как миф, созданный для того, чтобы очернить не только Катилину, но и Цезаря, а также Красса (Benferhat 2006, 111).

⁵³ Ср., например, поведение Помпея в Испании после победы над Серториумом, во время борьбы с пиратами или войны с Митридатом (Benferhat 2006, 114–115).

⁵⁴ Benferhat 2006, 111–114.

Подведем итоги. Мы рассмотрели ряд работ, в которых анализируются различные риторические приемы, использованные Цицероном и Саллюстием для убеждения аудитории в существовании заговора и создания негативного образа Катилины. К ним относятся: игра на различных аспектах концепции *res publica*; дегуманизация заговорщиков; попытки представить отдельные проявления политического недовольства как составные части *coniuratio*; использование стандартного набора действующих лиц, которые привычно ассоциируются у аудитории с заговорами; и, наконец, тесное переплетение правды и лжи. Нельзя не признать, что эти приемы оказались достаточно действенными. Они во многом повлияли на восприятие событий 63 г. как более поздними античными авторами, так и современными учеными; именно благодаря им сложилось общее впечатление о наличии большого всеобъемлющего заговора. Существовал ли он на самом деле? Вопрос остается открытым. Однако очевидно, что изучение подобных методов может способствовать дальнейшему критическому переосмыслению сообщений источников о заговоре Катилины и, соответственно, новому пониманию проблемы.

Литература / References

- Albrecht, M. von. 2003: *Istoriya rimskoy literatury ot Andronika do Boetsiya i ee vliyaniya na pozdneishie epokhi* [*Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boëthius: Mit Berücksichtigung ihrer Bedeutung für die Neuzeit* (Transl. from German by A.I. Lubzhin)]. Moscow.
- Альбрехт М., фон. 2003: *История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи*. Перевод с немецкого А.И. Любжина. Т. I.
- Benferhat, Ya. 2006: Les grandes illusions: Catilina, Cicéron et César dans la *Conjuration de Catilina*. *Vita Latina* 175, 104–118.
- Drummond, A. 1995: *Law, Politics, and Power: Sallust and the Execution of the Catilinarian Conspirators*. Stuttgart.
- Duplá Ansuátegui, A. 2017: Incitement to violence in Late Republican political oratory. In: Cr. Rosillo-López (ed.), *Political Communication in the Roman World*. Leiden–Boston, 181–200.
- Genovese, E.N. 1974: Cicero and Sallust: Catiline's "Ruina". *Classical World* 68, 171–174.
- Gerrish, J. 2012: *Sallust's Histories and Triumviral Historiography*. PhD Diss. University of Pennsylvania. URL: <http://repository.upenn.edu/edissertations/511>
- Habinek, T.N. 1998: *The Politics of Latin Literature: Writing, Identity, and Empire in Ancient Rome*. Princeton.
- Hodgson, L. 2017: *Res Publica and the Roman Republic: 'Without Body or Form'*. Oxford.
- Kananack, C.H.E. 2012: *Reconsidering "The Conspiracy of Catiline": Participants, Concepts, and Terminology in Cicero and Sallust*. PhD Thesis. Exeter. URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10036/4395/KananackC.pdf>
- Lintott, A.W. 1999: *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford.
- Neumann, N. 2010: *Der Ausnahmezustand in der Römischen Republik*. Diss. Dr. iur. Wien. URL: http://othes.univie.ac.at/13636/1/2010-10-06_0748197.pdf
- Pagán, V.E. 2008: Toward a model of conspiracy theory for ancient Rome. *New German Critique* 103, 27–49.

Dariya D. Dymskaya,

St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

E-mail: cromwell@inbox.ru

Д.Д. Дымская,

к.и.н., кафедра истории
древней Греции и Рима СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия